

Илья Портнягин

Незатихшее эхо

Стихи

Русское эхо
2021

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

П 60

Портнягин И.О.

П 60 Незатихшее эхо: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2021. — 92 с.

ISBN 978-5-9938-0041-7

«Незатихшее эхо» — вторая книга сызранского поэта Ильи Портнягина. С этим названием автор связывает отголоски впечатлений, событий от детских лет до нынешних дней.

Как и в первой книге («Не кончается даль», 2018), на новом творческом этапе Ильи Портнягин представляет читателям гражданскую и философскую лирику, стихи о природе, любви и многом другом, что дорого в жизни каждому из нас.

ISBN 978-5-9938-0041-7

© Портнягин И.О., 2021.

ОБРЕТЕНИЕ ГОЛОСА

В новой книге Ильи Портнягин, кажется, поставился представить читателю как можно больше граней своего творчества: тут и пейзажи, и городские зарисовки, и любовная лирика, и переживания о судьбе России (куда ж без них!), рассуждения о Боге и мире. Такое чувство, что автор сам ещё нащупывает, что же в его творчестве является определяющим и привлекает читателя помочь в этом определении. Кажется, ему самому интересно, что зацепит более всего публику. Что ж, выслушать народ, то есть читателя, это в духе времени. Это, можно сказать, демократично. Да и полезно, в конце концов.

Впрочем, мне кажется, то, что сокрыто внутри поэта, то, что живёт в нём, всегда сильнее того, что будут говорить окружающие. Да, прислушиваться к миру приходится, но слушать в первую очередь надо то, что звучит в тебе.

И мне кажется, что вот все эти стихи — о любви, о городе, о России — необходимы для того, чтобы понять, а затем и выразить нечто главное, к чему Илья Портнягин упорно движется:

Мирам исчезнуть не впервой.
И появиться вновь не ново,
Когда, поняв, что ты живой,
Рождаешь правильное слово.

В котором жизнь, в котором ты,
В котором Он с тобой навеки.
В котором все твои мечты,
Да и Его о человеке.

Мне вообще представляется это стихотворение едва ли не центральным в новой книге. Здесь настолько чувствуется жизнь и проникновение в её суть, причём без попытки разобрать эту суть по винтикам, как это пытаются сделать философы, а выразить именно поэтически, чтобы мы, читатели, почувствовали всё, что хотел сказать автор, сердцем, а не разумом. А тут столько сказано — всего-то в восьми строчках! Только их могло бы хватить для большого разбора о смыслах, творчестве, существовании и сущности, в общем, о чём любят рассуждать не поэты. Но у Ильи Портнягина иной дар: он может собрать все эти смыслы в стихи и донести до нашего сердца.

Это, кажется, и есть тот путь, на котором Илья Портнягин обретает свой поэтический голос. А новая книга только придаст уверенности ему на этой непростой дороге.

Дай Бог ему сил и мужества!

Александр Громов,
член Союза писателей России

НЕБЕСНЫЕ РЕКИ

Плывут по воде облака,
Впадая в небесные реки.
И поле, и лес, и река
Со мною, со мною навеки.

Забытая тропка в лугах
Атласною лентою вьётся.
И крик на чужих берегах
Вдруг эхом родным отзовется.

Огнями горит окоём,
Такими, каких не видали.
Мы только с тобою вдвоём
Пойдём в бирюзовые дали.

И солнца играющий блик
Волною в реке улыбнётся.
А где-нибудь в чаще родник
От сна векового проснётся.

МИРЫ

На честном слове держатся миры.

Евгений Чепурных

Летят, летят в тартарары —
Один стрелой, другой неспешно —
И наш, и прочие миры.
Но наш стрелой летит, конечно.

И попадают в круговертъ,
Где разбивают цепь на звенья.
А за порогом — только смерть
И неизбежное забвенье.

Мирам исчезнуть не впервой.
И появиться вновь не ново,
Когда, поняв, что ты живой,
Рождаешь правильное слово.

В котором жизнь, в котором ты,
В котором Он с тобой навеки.
В котором все твои мечты,
Да и Его о человеке.

ПЛАНЕТА

Трясёт планету мелкой-мелкой дрожью.
Замёрзла или хворь взяла опять?
Не ей дано исполнить волю Божью,
А тем, кому не лень бока намять

Её многострадальнейшему телу,
Привыкшему к подобному давно.
Придут они, придут они к пределу
За коим всё, что есть, не всё равно.

За ним дрожать лишь только остаётся.
Дрожать, дрожать и жизнью дорожить.
За ним неимоверно сердце бьётся.
За ним, забыв про всё, ты хочешь жить.

И космонавты сверху видят это,
Когда в иллюминатор смотрят вниз.
Что, словно шарик ёлочный, планета,
Наш шар земной в безмолвии завис.

НОЧЬ

Шаги «медведицы» неслышны и легки.
Срываясь вниз и переваливая гору,
«Ковшом» отчерпывая воду из реки,
Ступает ночь по среднерусскому простору.

Рассыпав бисер на чернеющем холсте
Вокруг безвёсельной, да и безлюдной лодки,
Ступает ночь неслышно от звезды к звезде.
Но не успеть, не разглядеть её походки.

Она идёт, она спешит, она бежит
По этой шири, необъятной и безбрежной.
И вот уже звезда последняя дрожит,
И тонет в речке безымянной, безмятежной...

Звезда на дне дождётся завтрашнего дня,
Самой себе вновь оставаясь самой верной.
Не расточая свет, взойдёт, тепло храня.
И станет первой. Хоть на миг, но станет первой!

СОЗВЕЗДИЕ СОБАК

Забывается ночь в полумраке,
Уповая на сон и покой.
Отчего же не спится собаке
За притихшею сонной рекой?

Ну, не спится. Так с кем не бывает?!
С голодухи не спится никак.
Подвывая, сердешная, лает
На созвездие гончих собак.

Те, с небес надрываясь истошно,
Тоже лают на свет и огни.
И случайно, а может, нарочно,
Но друг друга не слышат они.

Укрывается ночь полумраком,
Обретая и сон, и покой.
Отчего же не спится собакам
В небесах и за тихой рекой?

КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ ЗАРИ

Паучок зависает над лампой.
Я понять не могу, хоть умри:
Для чего он пытается лапой
Дотянуться до новой зари?

Для кого-то — никчёмная малость.
Для него — жизнь, прожитая зря,
Если в сети его не попалась
До сих пор золотая зря.

И, увидев ажурные сети,
Я вдруг понял: ведь — чёрт побери! —
Лучше всех и быстрее на свете
Он плетёт колыбель для зари.

Паучок над потухшею лампой
Зависает и видит рассвет.
И тихонечко тянется лапой.
...Солнце луч протянуло в ответ.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Если в мире и есть справедливость,
То живёт она тихо-претихо.
Где-то в тёмном своём уголочке,
Иногда вспоминая о нас.

А как вспомнит, так враз отмахнётся
От назойливой мысли и станет
Снова думать о том, о высоком...
Закрывая при этом глаза.

Не от счастья она их закроет.
Не от яркого солнца и ветра.
Не от тяжких ночей и бессонниц —
От бессилья закроет опять.

Потому что глаза б не глядели
На всё то, что порою творится.
Но когда-нибудь позже, надеюсь,
Справедливость откроет глаза.

НАДЕЖДА

Вновь облака переправляются за реку
И отражается в воде неровный строй.
А измождённому печалью человеку
Опять приходится пожертвовать строкой.

В которой теплится надежда на спасенье
От неминуемой и гибельной тоски.
Тоски пожухлой и промокшей, и осенней.
Той, что зажмёт без напряжения в тиски.

В которой нет надежд и кончится всё плохо.
Где неминуема погибель в сотый раз.
Где вновь страдаешь ты от выдоха до вдоха,
А жизнь к чертям летит без всяческих прикрас.

И облака уже за речку не стремятся,
Хотя туда уйдут почти наверняка.
Но человек не перестанет удивляться,
Пока осталась незаконченной строка.

ЗА СУДЬБОЙ

Смейся, смейся над судьбою.
Об одном ты помни лишь:
Как ни трудно ей с тобою —
От судьбы не убежишь.

Мелко, мелко плавал кто-то,
Всё боясь уйти на дно.
Только вязкое болото
Засосало всё равно.

Будет, будет скоро лето,
Как за вторником среда.
Очень надо верить в это,
Ведь без веры — никуда!

Ладно, ладно. Жизнь такая —
По судьбе не всяк горазд.
Но живи, ей потакая.
И она тебе воздаст!

СИНИЦА

Птица кричит вдалеке.
Жалобен голос, хоть плачь.
Тесно ей в сжатой руке,
Жаждающей лёгких удач.

Тяжек неведомый плен
В мире стенаний и слёз.
Птица не ждёт перемен,
Смерть принимая всерьёз.

Боль приучила её.
Время спрессовано в миг.
Жалость больнее клюёт.
Таёт беспомощный крик.

Птица кричит в облаках.
Голос растаял вдали.
Плачет синица в руках.
Молча летят журавли.

РОССИЯ

Мне Россия — и мать, и отец.
Не до гендерных признаков ныне.
А в ответ на жестокость сердец
Стала сладкою горечь полыни.

В эти трудные-трудные дни
Переписаны трижды законы.
Мы стоим, как в пустыне, одни.
Нас не видят в упор миллионы.

Бьём о стену стаканы и лбы.
Дорога нам здесь каждая кочка.
И мы заново врыли столбы:
Крым за нами, ребята. И точка!

Мне Россия — любимая мать
И Отечество милое разом.
Ей, как прежде, сиять и сиять
Огранённым веками алмазом!

ЛЕТО

Недоспелое лето.
Плюс шестнадцать вода.
И земля не прогреета,
И с дождями беда.

Ни грибов и ни ягод.
И рыбалка не в масть.
Запасёмся ли на год,
Чтоб зимой не пропасть?

Где жужжанье букашек
И полёты шмелей
В царстве белых ромашек
Средь лугов и полей?

Пусть холодное лето,
Но поёт соловей.
Небо синего цвета
Над Россией моей.

КУЛАК

Почему этот мир так жесток?
Почему будоражит планету?
Посмотри на кровавый Восток
И приблизиться сможешь к ответу.

Не унять этот жар просто так.
Нет речей о тупом выпендрёже.
Нужен твёрдый железный кулак.
У России он даже потвёрже.

И она не грозит им врагу.
Бьёт. Не сильно, но быстро и точно.
Намекая: мощнее могу,
Так что вы уж не злите нас очень.

Вот тогда-то пощады не жди.
Раньше смерти сумеешь дождаться.
Если крикнуть сумел: «Выходи!» —
То сумей уж, будь добр, и сражаться.

Но исход предсказуем вполне.
Сколько крови невинной ни литься —
Только тот побеждает в войне,
Кто страну защищать не боится.

АРЦАХ И КАРАБАХ

Шумят неумолкающие войны.
Вновь кто-то бодро пляшет на гробах.
Монтекки с Капулетти спят спокойно,
Покуда есть Нагорный Карабах,

Где в узел заплетаются интриги,
Где ненависть в полшаге от любви.
А разница народов и религий
Замешана на родственной крови.

Что тлело долго, вспыхивало быстро,
Когда подули с Запада ветра.
Вот только б не задели эти искры
Того, кто оказался у костра.

Досталось нам тяжёлое наследство,
Но эту ночь мы нести должны.
Взвалить её — единственное средство.
И доводы иные не нужны.

Утихнут несмолкающие войны.
Примирится с неверными Аллах.
И станет не намного, но спокойней,
Покуда есть Арцах и Карабах.

«МИГ-29»

Не «медведица» это, не «ковш».
Это — «Миг-29».
Ну, похож, чёрт возьми, ну, похож.
Ничего не поделать.

Я их в армии видел сто раз.
Даже, может быть, больше.
Мой радар их неделями пас
Над Германией с Польшей.

Но однажды вдруг вспомнили дом
(Слишком немцы просили).
На прощанье махнули крылом,
Улетели в Россию.

Этот «Миг», удивительный «Миг»
В боевых эскадрильях.
Всех космических далей достиг —
Те же звёзды на крыльях.

И похож он, чертовски похож
(Ничего не поделать)
На «медведицу», или на «ковш»,
Этот «Миг-29».

КОСМОДРОМ «ВОСТОЧНЫЙ»

Пошла, пошла! Смотри, смотри!
Какой же грохот, Святы́й Боже!
На фоне утренней зари,
И ни одной секундой позже.

Дрожали небо и земля.
И вся комиссия дрожала.
Постой попробуй у руля —
Седых волос найдёшь немало.

Пошла, пошла! Туда — в зенит.
К своей рассчитанной орбите.
И пусть в ушах пока звенит,
Пройдёт попозже, потерпите.

Но не забудут никогда
Ни этот день, ни адрес точный.
Где космодром? В тайге? Ну, да!
Теперь у нас есть свой «Восточный»!

СНАЙПЕР

*Участникам
Великой Отечественной войны
посвящается*

Оптический прицел — как третий глаз.
Мы до войны сроднились, так уж вышло.
Опять увидел я в последний раз
Того, кто вниз мешком упал неслышно.

Не жаль его, пусть сгинет без следа.
Уж нагладелся. И чего бы ради?
Мной позабыта жалость навсегда.
Он будет лишь зарубкой на прикладе.

Зарубкою для тех, кому война
Является ступенью к новым званьям.
Кому дороже жизнью ордена,
А души не подвержены терзаньям.

На вдохе вновь выравниваю крест.
На выдохе ловлю удары сердца.
За маму... За сестру... За город Брест...
И почему-то вдруг жалею немца.

Пусть выживет, вернётся в свой Берлин.
Пускай свой пыл захватчика остудит.
Пусть будет он из выживших — один.
И котелок пробитый не забудет.

ТЫЛ

Не стоит врагам вновь нервировать нас,
А брать на слабо уж не стоит тем паче.
Мы грозные в профиль и злые анфас.
И пламя клокочет внутри, не иначе.

И тысячей слов не унять этот пыл.
Нам генов чужих на рассаду не надо.
Мы фронту поможем, на то мы и тыл.
Давить не впервой иноземного гада.

Назойливый страх беззастенчив и лих.
А нам наплевать, коль появится — встретим.
Покуда он в душах, давить будем в них.
Придёт во плоти — разберёмся и с этим.

Ведь смелость в сердца и горячую кровь
Нам предки давно поселили навеки.
И к Родине славной привили любовь.
Мы чуем тепло материнской опеки.

Врагам, как всегда, очень скромный привет.
Поменьше бы встреч на совместной орбите.
Но если уж шансов не встретиться нет,
Поклонов от нас и пощады не ждите!

В ДОТЕ

«Амбразуру закрыли снаружи.
Слышишь, Ганс, это смерти шаги.
Не от русской невиданной стужи,
Не от лютой укрыли пурги.

В нашем доте не пахнет уютом,
Патефон и какао не в счёт.
И о доме забыть этим утром
Нам придётся, хоть он и влечёт».

«Будут плакать Матильда и Грета,
Если мы (да не если!) умрём.
Слышишь, Фриц, наша песенка спета.
Вряд ли кости свои соберём».

«Здравствуй, Ганс! Нам с тобой девяносто.
Схоронили Матильду и Грет.
Как же всё-таки это непросто
Оставаться людьми столько лет».

«ЭНОЛА ГЕЙ»

*Полковнику Полу Тиббетсу.
Пилоту бомбардировщика «Enola Gay»,
который 6 августа 1945 года
сбросил атомную бомбу на Хиросиму.*

«Энола Гей» летит на солнце,
Не щуря глаз.
Да, не жалей, убей японца.
Ведь есть приказ.

И потому ума не надо:
Лети, лети!
Найдут, кому в преддверье ада
С ума сойти.

Не думай — жми! К чему сомненья?
Виной — не ты!
Но всё ж пойми: одно мгновенье
До пустоты.

Одно, ей-ей, но в нём есть годы
И есть века.
Но у парней твоей породы
Тверда рука.

Нажали «сброс» — летим от солнца.
На курс! На курс!
И не вопрос, домой вернёмся.
Герой — не трус!

А позади обрывки жизни
И сущий ад.
А впереди о героизме
Заговорят.

Повержен враг. Коварный варвар
Едва живой.
Да будет так! Отмщён Перл Харбор,
К тому ж с лихвой!

И потому искать не надо.
Судьба сама
Решит, кому в преддверье ада
Сойти с ума...

КЛЮЧИ ОТ ВЕЧНОСТИ

Гремят архангелы ключами,
И на ветру,
Как флаги, крылья за плечами
Перо к перу.

Иерихонскою трубою
Гудит маяк.
Но из тумана нам с тобою
Уйти — никак.

Ни от себя уйти не можем,
Ни от других.
Пошли, пошли нам, святы́й Боже,
Идей благих.

Ни старых ран, ни новой раны
Не бережи.
Ты знаешь всё. Твои же планы
Узнай, поди!

Остановить иных у края —
Нелёгкий труд.
Ключи от вечности и рая
Не всем дадут.

ДУША

Без Бога душе одиноко.
Без Бога душа холодна.
Она остаётся до срока,
Как Бог, совершенно одна.

Ей — плохо, неммыслимо плохо.
Даётся с трудом каждый вдох.
Но ждёт она главного вдоха —
Когда в ней поселится Бог.

Когда вдруг наполнится светом,
Вняв сердцу и даже уму.
Господь ей свидетель при этом,
Она же свидетель Ему.

И маяться будет до срока,
Но знать, что теперь не одна.
Без Бога в душе одиноко.
Без Бога душа холодна.

ПАСХА

Вот если бы всеми на Пасху
Помянут был подвиг Христа,
То жизнь, как счастливую сказку,
Листали б. А сказка проста.

К чему подтверждение чуда?
Ведь чудо исчезнет — лишь тронь.
Откуда, скажите, откуда
Пришёл Благодатный огонь?

Прозрейте, прозрейте, неверцы!
Без Бога не будет любви.
Какому заблудшему сердцу
Огня не хватает в крови?

Какой же душе безотрадной
Так тошно, что просто кричи?
Так надо, так надо, так надо!
На Пасху пеки куличи.

Крась яйца на Пасху, так надо!
Конец наступает посту.
Пусть в каждой душе безотрадной
Откроется место Христу.

Пусть место для Бога найдётся
В любой заплутавшей душе.
А что же ещё остаётся?
Молиться, но чаще уже.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Христос с тобой! Христос с тобой!
С тобою целый Свет.
А где покой? А где покой?
В душе покоя нет.

Вопрос — ответ. Вопрос — ответ.
На выдох и на вдох.
Две тыщи лет. Две тыщи лет
Он — рядом, рядом Бог.

Ответ — вопрос. Ответ — вопрос.
И каждому свой час.
Не зря Христос, не зря Христос
Страдал за всех за нас.

Христос воскрес! Христос воскрес!
Он силы мне даёт.
И страх исчез! И страх исчез!
Душа моя — поёт!

МЕСЯЦ

Опять Господь закинул свой крючок.
И, как обычно, снова без наживки.
Светлеет неба звёздного клочок.
На прибыль месяц, в этом нет ошибки.

Он где-то там сидит на облаках
И видит всех — надёжных и оплошных.
Всё — как всегда. И все в Его руках:
Те, кто молчат и кто в мольбах истошных

Винят Его, других, но не себя.
За то, что в три погибели сложилась
Их жизнь. По ней, загубленной, скорбя,
Взывают к Богу: «Прояви же милость!

Дай хлеба, зрелищ, что-нибудь ещё,
Чтоб зазвенело прибыльно в кармане,
Чтоб съехать с трижды проклятых трущоб
Да чтоб плескалось крепкое в стакане».

А о душе не вспомнят, как всегда.
Не вспомнят ни разочка, ведь не срочно.
Года идут. Бегут, спешат года.
На убыль месяц, жизнь. И это точно!

ЗВЕЗДА

За окном догорает звезда,
Бледным светом пронзая пространство.
Пропадая всего лишь на миг,
Возвращаясь на тысячи лет.
Но светить она будет всегда,
Неизбывно её постоянство.
Кто её неподкупность постиг,
Для того нареkania нет.

Богом клясться не то чтобы грех,
Но такая тяжёлая ноша
Для того, кто на это пошёл...
И дай Бог ему всяческих сил.
Бог один точно знает за всех.
Для него и плохой, и хороший
Одинаковы: тот кто нашёл,
Очень искренне, значит, просил.

СПАСИБО, ГОСПОДИ!

Спасибо, Господи, тебе за испытанья,
Подумал я.
И был уверен в том, что все мои метанья —
Труды твоя.

Уверен был, что неспроста такая доля
Досталась мне.
Как ни крути — на всё Твоя Господня воля
Внутри и вне.

Пусть кто-то думает, что волен жить, как хочет,
А не взаймы.
Но кто способен смерть проклятую отсрочить?
Да уж не мы.

Ты любишь всех нас. Видно, это что-то значит.
И Божий глас
Услышит каждый, время грянет, не иначе.
Спаси всех нас!

АНГЕЛ

Сто разлук, двести встреч между делом
Неизбежно судьба припасла.
Ангел мой безрассудным пострелом
Расправляет два белых крыла.

На плече примостился на левом.
Ближе к сердцу, а значит, к любви.
Ощуцаю немеющим телом
Жар прилива в остывшей крови.

Ты люби меня, ангел безгрешный,
Об ушедшем порою скорбя.
И в ответ обещаю, конечно:
Я любить буду вечно тебя.

Сто разлук, двести встреч — это много.
Только стоит ли все роптать?
Ангел мой, не страшна мне дорога,
Если рядом ты будешь опять.

ДВОЕ

Пролетев мимо смятой кровати,
Сон разбился о зыбкий эфир.
Неминуемость жарких объятий
Всколыхнула недремлющий мир.

Покоряясь нахлынувшей страсти,
Ни один не заметил из них:
Задышалось в объятиях счастье,
Хоть и было одно на двоих.

Их любовь беззаветная грела,
Что была так наивна на вид...
Но однажды навеки сгорела
В жаркой топке измен и обид.

— Поцелуй меня нежно и страстно,
Поцелуй же, ведь ты обещал.
— Наша встреча была не напрасна.
Наша встреча — начало начал...

ВЗГЛЯД

Не потому ль твой взгляд прикован лишь ко мне,
Что своего тебе в ответ послать не смею.
И от одной лишь мысли сразу цепенею:
Ты не ушла, ты здесь, и это не во сне,

В котором проще всё и легче в сотни раз.
Всегда всё вовремя и почему-то кстати.
Не можем выпустить друг друга из объятий,
Не можем скрыть от всех своих счастливых глаз.

Без осуждения витаем в облаках,
Никак не можем друг на друга наглядеться,
Не понимаем, почему так бьётся сердце
И я ношу тебя всё время на руках.

Не потому ль мой взгляд прикован лишь к тебе,
Что твоего в ответ добиться не умею.
Но всё ж мечту свою и холю, и лелею,
Что ты останешься теперь в моей судьбе.

ПОД ОКНОМ

Стоит фонарь, поникнув головой,
А я под ним стою, поникший тоже.
Надеюсь вдруг увидеть профиль твой
Иль тень, мелькнувшую в прихожей.

А может, взгляд твой, брошенный тайком,
Смогу поймать, глотая воздух нервно.
И сердце вновь забьётся мотыльком
Моё, да и твоё, наверно.

Вот шторы край чуть дрогнет и замрёт.
И я замру, и город, и природа.
И время ход замедлит, и полёт
Звезда в пределах небосвода.

Фонарь потух. Ни капельки, ни зги
Не видно в полном мраке этой ночи.
Входная дверь запела, и шаги
Слышны отчётливей и громче.

Собою звук заполнил всё вокруг
И навсегда ушёл в миры иные.
А я обрёл тепло и нежность рук.
И эти руки — неземные.

ТРОЯНСКИЙ ТАНК

Л.

Помой свой танк, не лезь в мои мечты.
Они и так не блещут чистотою.
Наверняка же в танке этом ты.
Не будь наивной, слышал я про Трою.

Дай мне побыть с собой наедине,
И я успею в этот миг короткий
Проверить то, что истина в вине,
А не в какой-то там банальной водке.

Помоем вместе грязного коня,
Точнее — танк покроем белой пеной.
Ты снова страстно влюбишься в меня.
Я буду вновь с прекрасною Еленой.

И вдруг пойму с тобой наедине:
Ты неспроста подарена судьбою.
Пойму и то, что истина в вине,
А не в моей вине перед тобою.

ОТБЛЕСК

Терпкий запах сирени,
Жаркий отблеск огня —
Из одних измерений
Для тебя и меня.

Позабывтые страсти,
Наслаждение впрок.
Обалделое счастье,
Недописанность строк.

Полуночные игры
Хрусталём дребезжат.
И тигрицы, и тигры
В изможденье лежат.

Уходящие тени,
Приходящий рассвет.
В суете разночтений
И ни «да», и ни «нет».

Полуголые фразы
На слова ты не рви.
И, конечно, ни разу —
О себе и любви.

СВИДАНИЯ

Мы с тобой встречались вечером,
А прощались до утра.
Любовались теми встречами
И закаты, и ветра.

Не катилось влево солнышко.
Не ходил направо я.
И с тобой испил до доньшка
Всё под трели соловья:

Поцелуи горько-сладкие
И похмелья злую дрожь,
Плач в подушечку украдкой
Да измены острый нож.

Опоздаешь на свидание —
Не тебе я подарю
Утро свежее да раннее
И багряную зарю.

ПРО ЛЮБОВЬ

Л.

Я люблю тебя, люблю
Всей любовью, что есть в мире.
Дайте море кораблю
Или реку, но пошире.

Дайте краски и рассвет
Дайте радугу в полнеба.
Путь один, препятствий нет.
Только сил хватило мне бы.

Дайте дремлющий закат
С тонкой гранью голубою.
И ему я буду рад,
Лишь бы быть всегда с тобою.

Я любил тебя всегда.
И любить всё время буду.
Это клятвой будет. Да!
Этой клятвы не забуду.

Дайте волю кораблю.
Подтяните струны лире.
Я люблю тебя, люблю
Всей любовью, что есть в мире!

ГАРАНТИЯ

Не прилагается гарантия к любви.
Законов нет, и точных правил быть не может.
Поют в душе и в дальней роще соловьи.
И друг для друга новый день недаром прожит.

Сползают вниз две стрелки чёрные с часов.
И вновь карабкаются в гору иступлённо,
Не зная разности ни дат, ни поясов.
Часы всегда, всегда обуза для влюблённых.

Вдруг распускаются увядшие цветы
На дальнем крае недокошенного луга.
И наконец-то понимаем я и ты,
Что не умеем и не можем друг без друга.

Опять поют в душе влюблённой соловьи.
И друг для друга новый день, как прежде, прожит.
Не прилагается гарантия к любви,
Но без любви прожить никто уже не сможет.

ПОД КУПОЛОМ

Я любить тебя хочу и не бояться
Вдруг однажды потерять любовь твою.
Не стыдясь, однако, амплуа паяца.
Ты добилась: вновь под куполом стою.

Ну, не рыжий мой парик. Прости, галёрка!
Я исправлюсь и, быть может, рассмешу.
В лучшем стиле и Парижа, и Нью-Йорка,
Как не снилось самому Карандашу.

Лишь твоим желаньям потакать я в силах.
Пусть один хлебну, не кто-нибудь другой.
На щите, ну и немножечко на вилах,
Но всё время рядом с правою ногой.

Или с левой? Я запутался, родная.
Ты прости, забывчив стал твой грустный шут.
И однажды, очередность вспоминая,
Вдруг пойму, что купол — это парашют.

СЕРДЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Л.

Руки скрестив на груди,
Даришь неласковый взгляд.
Что же нас ждёт впереди,
Если ни шагу назад?

Если ушедшее — в прах,
Если грядущего нет.
Что мне забвения страх?
Что мне мелькание лет?

Внял я намёкам, как смог,
Но не погладил бельё.
В глину впечатал сапог
Доброе имя моё.

Жаркое солнце в груди
Страсти натянет струну.
Знаю — любовь впереди.
Руки навстречу тяну.

Взгляд твой теплее не стал.
Лёд в отражении глаз.
Ты, как и прежде, кристалл.
Ты, как и прежде, алмаз.

Струйкою тянется дым.
Тает, лишь дунь или тронь.
Страшен алмазам любым
Томный сердечный огонь.

Снова зову за собой.
Что там опять впереди?
Ангел с тяжёлой судьбой
Спит у меня на груди.

ЛЮБОВЬ

Мне кажется, любви искать не надо,
Тем более — сходить по ней с ума.
Успеешь ты ещё отведать яда.
Любовь найдёт, найдёт тебя сама.

Поманит ноготком, расставит сети.
И ты, как ветра свежего порыв,
Рванёшь на зов, забыв про всё на свете,
Про жизнь свою пропащую забыв.

Поняв, что город сдан, устроит праздник.
Любовь такая: ей-то не впервой.
Забудет, кто кого там снова дразнит...
А ты уже влюбился с головой.

Влюбился с головой и жарким сердцем,
Забыв про путь к несбыточной мечте.
Кто на кого не смог там наглядеться,
Пойми потом в любовной суете.

Любовь... Она сама похлеще яда.
И разберётся в любящих сама.
Её просить особо и не надо.
Она сама их всех сведёт с ума!

СТРЕЛЬЦЫ И ВЕСЫ

Уходя, не махнув на прощанье,
Я калиткой не хлопну в сердцах.
Мне плевать на твои обещанья,
Знаю всё о тебе и Стрельцах.
Знаю всё, даже больше, чем надо.
Этот груз — тяжкой ношей в груди.
И вестям этим вовсе не рада.
И от новых, Господь, отведи.
Но тоска превращается в голод.
И мечусь я, здоровье губя...
Без тебя мне не мил этот город.
Я его не люблю без тебя.
И кошмары, как щупальца спрута,
Всё обвили и душат в ночи.
Где же ты, долгожданное утро?
Где же ясного солнца лучи?
Где же ты, мой родной и любимый?
Где же ты, самый ласковый друг?
Ну а если бы всё-таки мимо,
Ну а если бы всё-таки вдруг
Не случилось той радостной встречи,
Мой единственный, мой дорогой?
Вдруг провёл бы ты памятный вечер
Не со мною, а с тою — другой?
Что вела себя жутко манерно,
Как болонка среди Гончих Псов...
Думать так ты должна бы, наверно,
После ссоры Стрельцов и Весов.

ЗАЧЕМ?

Ну, зачем это надо?
Я никак не пойму.
Если жизни не рада —
Так повой на Луну.

Перебей всю посуду
И ещё что-нибудь.
И огромное блюдо
Расколоть не забудь.

Иль всплакни незаметно,
Иль дай волю слезам.
Под мелодию ветра
Я всплакнул бы и сам.

Обними меня в свете
Чуть дрожащей свечи.
Спят деревья и дети.
Не кричи, не кричи.

ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ

Принять на веру этот взгляд
Совсем не просто.
Какой по счёту он подряд?
Опять вопросы.

О чём с тобой поговорить?
Про день вчерашний?
Тебе солгать — как прикурить,
И это страшно.

Ты обещала и клялась
Остепениться.
И что в пушку на этот раз
Не будет рыльце.

Но всё по-прежнему: опять
В ночи пропала.
Привычки прежние менять
Ты вновь не стала.

В какой три тыщи первый раз
Ты не краснела,
Не тратя слов, не пряча глаз,
Солгать сумела?

Прощай, прощай на сотни лет
И даже больше.
...Но утром сделай мне омлет
И кофе тоже.

ПОД ЗАМКОМ

Я не боюсь того дракона,
Что охраняет твой острог.
Ты только выгляни с балкона,
А лучше выйди за порог.

Твой рыцарь ждёт тебя покорно,
В молчанье голову склонив.
Его душа под звуки горна
Рождает чувственный мотив.

Слагает пафосные гимны
О самой лучшей из принцесс.
О том, что чувства всё ж взаимны,
И что взаимен интерес.

Ты на балконе и в обновке.
Тебе к лицу бордовый цвет.
Дракон опять в командировке,
Но между нами искры нет.

Твой взгляд и холоден, и властен.
Не снисходителен ко мне.
Дракон по-прежнему опасен...
А я опаснее вдвойне.

ПРОСТИ...

Прости меня за то, что я такой.
Пусть мой характер и бывает скверным,
Ты не маши отчаянно рукой,
Закрыв глаза в бессилии смиренном.

Прости меня уже в который раз,
Как ты одна всегда прощать умела,
Прослушав крайне сбивчивый рассказ,
Произнесённый тихо и несмело.

Прости меня, как можешь только ты
Прощать за то, чего и не бывало...
Я принесу ещё тебе цветы.
Восьмого Марта точно слишком мало.

Прости меня за то, что лишь тебя
Любил всегда я слепо, безрассудно.
Прости меня за всё, прости любя.
Хоть понимаю — трудно, очень трудно.

ПОСЛЕ ШТОРМА

После шторма всё стихает неизбежно.
Я один бреду по берегу в тоске.
Знают волны, как старательно и нежно
Выводил твоё я имя на песке.

Перелистывает время наши даты.
Календарь опять худеет к декабрю.
Было всякое, но лишь одна смогла ты
Всё ж поверить в то, что многим говорю.

Облаками вновь окутано былое,
Но в грядущем знают всех до одного...
И остались в мире этом только двое.
И вокруг во всей вселенной — никого.

Знают волны, как старательно и нежно
Выводил твоё я имя на песке.
После шторма всё стихает неизбежно.
Я один бреду по берегу в тоске.

ГЛАЗА

Прощайте, ненаглядные глаза.
Успел я наглядеться в вас до боли.
В прожилках уходящая гроза
Со вспышками едва заметных молний.

Горевшее погасло навсегда.
Зачем опять тревожить то, что было?
Залила угли тлевшие вода,
Былое окончательно остыло.

Растаял в облаках холодный дым.
Золу порывом ветра разметало...
Спасибо, что бросаешь молодым
И время поохотиться настало.

Прощай же, ненавистная мне боль.
Пусть наше расставанье со слезами.
Лишь только, провиденье, не позволь
Вновь встретиться с коварными глазами.

БЫЛО...

За окном дышит город чуть слышно.
Он устал от дневной суеты.
Осыпается белая вишня,
Где-то там в этом городе ты.

В этом городе, сонном и душном,
Вновь гуляешь под нашей луной.
В том же парке, унылом и скучном,
Но гуляешь уже не со мной.

Не со мной ты встречаешь рассветы,
А ведь было когда-то давно...
Соловьями все песни допеты,
Стало мне и тебе всё равно.

Всё равно позабыть то, что было,
Нам попробовать стоит опять.
Чтобы тлевшее сердце остыло,
Не пытайся его распалять.

Распалять не пытайся, так вышло,
Как во сне невозможно дурном.
Осыпается спелая вишня,
Дремлет город за чёрным окном.

ГОРОДОК

Городок мой горемычный —
Захолустные места, —
Старомодный и обычный,
Хоть судьба и непроста.

Тут столичным закидонам
Места нет. Без них вполне
Колокольным перезвоном
Храмы греют душу мне.

Чем любовь к тебе измерить,
Дорогая мне земля?
В небо рвётся белый лебедь —
Башня Спасская Кремля.

Городок мой старомодный —
Приземлённые мечты, —
Захолустный, но свободный
От столичной суеты.

ПРОВИНЦИЯ

Как хорошо в провинции моей,
Где глушь, давно привыкшая к безлюдью.
Бродить осенним днём среди полей,
Вдыхая свежий воздух полной грудью.

Раскинув руки, наконец понять,
Что только здесь так громко плачут птицы.
Когда придёт пора лететь опять
Туда — за горизонты и границы;

Что запах ветра, стынущей земли,
Травы пожухлой и дождей вчерашних
Я различу и в лужах, и в пыли.
В соломинках на жирных чёрных пашнях.

Как хорошо бродить среди полей,
Которые тебе навек родные.
Осенний день в провинции моей
Прекрасен так же, как и все иные.

ТАБЛИЦА УМНОЖЕНИЯ

— Пятью пять — сорок девять.
Семью семь — двадцать пять.
— Что ж с тобою мне делать,
Ты не знаешь опять.

Ты не знаешь таблицы.
Это — матушка лень.
Подставляй ягодицы
Под отцовский ремень.

Почему же не надо?
Ремешочек — новьё!
То-то будет награда
За усердье твоё.

...Просыпаюсь внезапно.
Снова сон? Так и есть!
— Я всё выучил, папа!
Шестью шесть — тридцать шесть!

ДВОР

Вроде двор тот же самый,
Только что-то не то.
Не слышать голос мамы,
Всё забито авто.

Не пройти, не проехать.
То ли явь, то ли бред.
Незатихшее эхо
Шлёт из детства привет.

Те же гвалт воробьиный
И ворчанье старух.
Да под веткой рябины
Здоровенный лопух.

На фасадах морщины:
Постарели дома...
Запах хлебной машины
Так же сводит с ума.

Просто двор тот же самый.
Ведь прошло-то всего...
Услыхал голос мамы
И бегу на него.

СЕСТРЕ

Когда б ещё тебе присниться?
Ведь я по сонникам не спец.
Родная, милая сестрица,
Ну, наконец-то, наконец...

Из детства давнего проказы...
Шагаешь ты в свой первый класс.
До сей поры почти ни разу
Не сдал родителям я нас.

Пройдя мультфильмов подготовку,
Где Айболит не так уж плох.
Меня лечила ты и Вовку.
Небезуспешно, видит Бог.

Но всё не то! Не то! Постой-ка!
В то время нашей детворе
Всего милей казалась стройка,
Что развернули во дворе.

Вот там-то жизнь вовсю кипела,
Но у родителей был шок:
Тебя таскал с собою смело —
Был наготове ремешок.

Промчались годы незаметно.
С тобой мы выросли давно.
И детство любим беззаветно,
А с ним и юность заодно.

Родная, милая сестрица.
Хоть я по сонникам не спец,
Дозволь и мне тебе присниться.
Ну, наконец-то, наконец...

ДРУГ

Памяти Сергея Кальбова

Мне Серёга — лучший друг.
Я ему, конечно, тоже.
Мать очерчивает круг,
Говорит: «Дружи с Серёжей».

Мы и так всегда вдвоём
Лет, наверно, этак двести.
Песни весело поём
И грустим, конечно, вместе.

И напильники в забор
Забиваем, сил не троя,
А бывает — и топор.
Не до войн, ведь мы же братья.

Трубой мира нам бычки
Служат денно, служат ночью.
Их нарочно старички
Оставляют, это точно.

Договор наш чтим всегда:
Поругались — и забыли.
Дружбы долгие года
Обрастают слоем пыли...

Настоящий старший друг —
Он всегда теперь моложе.
Только мама скажет вдруг:
— Не забудь, зайди к Серёже.

ПИСЬМО СЫНА ДЕДУ МОРОЗУ

Нет конца декабрю, хоть ты тресни!
Скукота в нашем сонном дворе.
И не греют весёлые песни,
Я письмо написал в ноябре.

Извини, что пишу строчки эти.
Без тебя все мечты под откос.
И живётся несладко на свете.
Приходи поскорей, Дед Мороз!

Я устал от пустых ожиданий,
Я давно проглядел все глаза.
Знаю точно: ты вовсе не жадный.
Не тебе безразлична слеза

Безымянных, далёких детишек,
Тех, что ты навещал, и не раз.
И неважно — девчонок, мальчишек.
Ты запомни: зовут меня Стас!

Только я жду тебя днём и ночью,
Лбом в стекло потихоньку долбя.
Я порву без раздумий и в клочья
Всех людей, кто не верит в тебя!

Знаю я, Дед Мороз, ты всемогущ,
Для тебя невозможного нет.
Принеси мне всё то, что просил я.
И немного...
И много конфет.

P.S.
Ты придёшь непременно, я верю.
И прихватишь с собой ананас.
Я сегодня услышал под дверью:
Завтра будет у папы аванс.

1 СЕНТЯБРЯ

Собрался в школу пацан-сосед.
Такой уж важный — не подходит.
Рюкзак огромный, в руках букет.
И нетерпенье горит в груди.

Идёт, счастливый, а рядом брат,
Но у старшего нет блеска глаз.
Не так он школе привычной рад.
Не вспомнит даже свой первый класс.

А младший Вовка почти бегом.
И шаг размашист, и бег упруг.
А старший всё же грустит тайком:
У Таньки рыжей есть новый друг.

Опять линейка, опять цветы,
Опять объятья и громкий смех.
За похвалами — опять не ты.
Ну, нету грамот всегда на всех!

Не за горами и та пора,
Когда Ивана попросит мать,
Чтоб он, как Мишка, ещё вчера,
Сумел и Верку с собой забрать.

До самой школы сумел свести,
Сдал в муравейник на много лет.
А там, учитель, ты нас прости!
Дари, учитель, нам знаний свет!

СОСЕД

Вроде правильный сосед.
Мы знакомы с давних пор.
Вдруг вернул велосипед,
Попросил взаймы топор.

Я не брит почти всегда,
А Борис всегда побрит.
Потому-то иногда
Он со мною говорит.

Снисхождение во всём:
Мне ль науки по плечу?
С книгой мудрого Басё
Он знаком, а я — молчу.

Он Конфуция читал,
С Аристотелем на «ты».
У соседа есть мечта.
У меня же нет мечты.

Это всё с его же слов.
Он не курит и не пьёт.
Презирует всех «ослов»...
Но топор не отдаёт.

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Ну, Расскажи, куда ты рвёшься,
Теряя связи?
Домой ты больше не вернёшься —
Из князей в грязи?

Тебя ли ждут там не дождутся
С волною новой
И с голубой каёмкой блюдец
Разбить готовы?

Куда несёт тебя, сердешный?
В самую столицу!
Мы всей страной вполне, конечно,
Прокормим львицу.

А заодно тебя прокормим,
Задача та же.
Помилуй Бог, какие корни?
Не думай даже!

СЕМЯ

С.А.

Если брошен ты всеми,
Если им всё равно,
А проросшее семя
Позабыло давно...

Значит, корни подгнили,
И не впрок им вода.
Знать, тебя не любили
Никогда-никогда.

Но снимали исправно
Урожайи с полей.
А уж кожу — подавно:
Чем родней, тем смелей.

Ты терпел. Значит, боли
Как бы вовсе и нет.
Опустевшее поле
Промолчит много лет.

А спохватятся позже,
Ведь занает в груди.
И поймут: то дороже,
Что уже позади.

Только хрен вам, ребята
Из насиженных мест.
В липких комьях лопата.
Покосившийся крест.

* * *

Памяти Сергея Есенина

Мальчишка, золотая голова,
Пришёл навеки, а ушёл так рано...
Простые и понятные слова
Сумел найти в России, как ни странно.

Мелькает чёрно-белое кино:
Кудрявый ангел, бессловесный ложно,
Был славою обласкан всё равно,
Хоть с властью вёл себя неосторожно.

Зловеще неприветлив Петербург
И «Англетер» — как хищник перед схваткой.
И смерть пришла не сразу и не вдруг
Своей походкой медленной и шаткой.

Написаны бессмертные слова.
И вспять не смогут повернуться реки.
Мальчишка, золотая голова,
Он обречён с Россией быть навеки!

ГОСТЬ

Памяти Константина Рассадина

Вот и ушёл дядя Костя
В светлый безоблачный край.
Можешь не ждать больше гостя,
Мать, самогон убирай.

Пусть мы не скажем ни слова
В этот безрадостный день.
Кажется, с нами он снова,
Вот в уголке его тень.

Вспомним его как живого.
Вспомним, о чём разговор.
Как же не вспомнить суровый
Взгляд исподлобья в упор.

Мама, не жди больше гостя.
Слёзы без грусти — вода.
Вот и пришёл дядя Костя —
И не уйдёт никогда.

МУКИ

Стих сложить — как дважды два.

О. Портнягин

Нагроможденье слов — нехитрая затея.
Коль буквы знаешь, без труда осилишь ты.
Не тратя сил да и особо не потея.
Стихи любые в написании просты.

Промозглым вечером садишься у камина.
Огонь играет, тени бродят по углам,
И в голове уже рождается картина,
Где был и небыль с настоящим пополам.

Ты понимаешь, что забыл перо с бумагой.
Бежишь на кухню, в кабинет и коридор.
А твой герой один и горд своей отвагой,
Несёт добычу и ещё какой-то вздор.

И ты теряешь нить, хотя сжимаешь руки.
В тупом бессилье вспомнить строчку наконец.
Тантал давно был обречён на эти муки,
Но и поныне он прекрасный образец.

А если вспомнишь — не считай, что сделал дело.
Ведь всё по-новой начинается теперь.
Ты дрессировщик, заходи же в клетку смело.
Стихотворенье — это очень дикий зверь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Нам флаги с самого утра
Ветра полощут.
Народ уходит со двора
Туда — на площадь.

Играет музыка кругом
В ответ фанфарам.
А люди к площади — бегом
По тротуарам,

Вливаясь в дружный хоровод
Весёлых улиц.
А что же празднует народ?
Стихи вернулись!

И площадь Белого Листа
Светла, как в храме.
Забиты лучшие места,
И все — стихами.

Как ветра свежего глоток
Всё действие это.
А где тот славный городок?
В душе поэта!

СВЕЧА

Не бойся, подруга моя!
Тебя не предам я вовек.
Быть может, другой, но не я.
Ведь я не такой человек.

Ты стала короче вдвойне,
Хоть ночь уж не так и длинна.
Но, чтоб утопиться в вине,
Опять не хватает вина.

Глядишь на стихи свысока.
Подсвечник из бронзы отлит.
Выводит привычно рука,
И вечное пламя горит,

В котором закат и рассвет.
В котором и ночи, и дни.
Опять никого рядом нет.
Опять мы с тобою одни.

ПЕГАС

Истово каяться,
Всякому нравиться
Сможет не каждый из нас.
Время печальное
Дышит отчаянно.
Топчется сонный Пегас.

Выросло деревце,
Даже не верится:
Вроде сажали вчера.
Лошадь подковами
Цокает новыми,
Видно, в ночное пора.

Свечи с лампадами
Видим мы. Надо бы,
Чтобы огонь не погас.
Слышится, пишется,
Радостно дышится.
Крылья расправил Пегас!

ЭЙФОРИЯ

Я тёплый ветер пью, как воду.
От эйфории в двух шагах.
Боясь почувствовать свободу,
Стою — чуть пьяный — на ногах.

Не в силах ждать порывов новых,
Но ощущая: воздух свеж.
Ищу я в нравственных основах
Всё ту же дверь, всё ту же брешь.

Не нахожу. Слепцом убогим
Иду сквозь бренность бытия.
Но путь, знакомый очень многим,
Запомню, может быть, и я.

И дует ветер окаянный.
Свобода выпита до дна.
Я на ногах стою — чуть пьяный.
От эйфории боль одна.

ТАТЬЯНА

Ну, зачем ты, Татьяна,
В реку бросила мяч?
Укажи на смутьяна.
Это кто ж так горяч?

Что за сердце такое
В равнодушной груди?
О любви и покое
Он не слышал, поди.

Что за слёзы рекою?
Друг твой — тёртый калач.
Почему же покою
Предпочёл громкий плач?

Успокойся, Татьяна!
Не хватай воздух ртом.
Позабудь про смутьяна,
Будет новый потом.

ОТРЕШЕНИЕ

Отраву отправив по венам
Своею иссохшей рукой,
Лежишь ты в экстазе блаженном,
Приняв ненадолго покой;

Приняв отрешенье от мира,
В предсмертье нырнув с головой...
И стала чужою квартира,
И стал нарастающим вой

Повсюду — в тебе и снаружи,
В чернеющей бездне углов.
И света полоска всё уже
На шкурах косматых ковров.

Корявые чёрные когти
Сгребают в охапку и жмут.
Зубами кусаешь не локти,
Зубами впиваешься в жгут.

И тянешь, и тянешь, и тянешь...
И колешь, живое губя...
Кого ты в итоге обманешь,
Спасая от жизни себя?

ПУТИ

Не далёко, не близко.
Не высоко, не низко
Проходили пути.
Было очень несложно,
Даже очень возможно
Потерять и найти.

Нынче время такое,
Позабудь о покое,
Покоряй высоту.
Только помни о Боге,
О тернистой дороге
И о вере в мечту.

Без метаний картинных,
Без иной паутины,
Без насмешек судьбы.
И, в грехах своих каясь,
Замести не пытаясь,
А оставить следы.

Очень даже возможно:
Ты сумеешь. Несложно
Обнаружить свой путь.
Но в пути будь собою
И на равных с судьбою
О душе не забудь.

МОТЫЛЬКИ

*31 октября 2015 года
в авиакатастрофе над Синайским
полуостровом погибли 224 человека.
Рейс 9268.*

Как на пламя мотыльки,
Самолёты мчатся к смерти.
Может, волею руки,
Может, вновь толкают черти.

Столько места в небесах:
Ни столбов нет, ни обочин.
Но у жизни на весах
Каждый шаг судьбой отточен.

Высыпается песок
Из часов песочных в вечность:
От конца на волосок,
За полшага в бесконечность.

Угасают угольки.
Вздых последний глуше, глуше...
Умирают мотыльки,
Улетают в небо души.

ДОН КИХОТ

Настало время — собираются в поход,
Не оставляя скуке смертной даже шанса.
Стальные латы подгоняет Дон Кихот.
Осла привычно подгоняет Санчо Панса.

В копье гранёном отражается закат.
В глазах печальных — безрассудная отвага.
Всем неприятностям идальго только рад.
Он слепо верит, что они ему во благо.

Носить Алонсо не хотели на руках.
Да он и сам на то был даже не настроен.
Врагам, что видел он в обычных ветряках,
Сумел внушить, кто есть на самом деле воин.

Для Росинанта бег трусцой — нелёгкий труд.
Осёл старается прихрамывать сильнее.
Но с ездоками всё ж до цели добредут.
Недолго ждать осталось милой Дульсинее.

А Санчо Пансу мучил праведный вопрос:
Ну, что нашёл Кихано в барышне неброской?
Кого угодно доведёт до горьких слёз
Нескромный взгляд шальной затейницы
Тобосской.

Но, как и прежде, продолжается поход.
У скуки смертной нет ни времени, ни шанса.
Через века шагает славный Дон Кихот.
И вместе с ним — оруженосец Санчо Панса.

ПАТОЛОГОАНАТОМ

Седой патологоанатом —
Работник мрачного труда —
И говорил, и думал матом,
И улыбался иногда.

Свою профессию Иваныч
Всегда без памяти любил.
Но, оставаясь в морге на ночь,
На всякий случай водку пил.

Он и без случая пил утром.
И, разумеется, в обед.
Глаза блестели перламутром.
Спиртное в морге не во вред.

Все силы вкладывал в работу,
Открыв давно простую суть:
Как ни крути, а вот он, вот он
К сердцам людей кратчайший путь.

А там, Бог даст, глядишь, и к душам
Удастся ключик подобрать.
Вот только скальпель непослушен
И недоступна благодать...

Арнольд Иваныч, старый дока,
Читая свежий некролог,
Узнал, что вновь по воле рока
Он хоть кому-то да помог.

ПАЛАЧ

У палача своя стезя.
Своя рутинная работа.
Сентиментальным быть нельзя,
Нельзя шалеть от эшафота.

И не сказать, что казням рад,
Но проще быть самим собою,
Когда отпетый казнокрад
Решил расстаться с головою.

И неспроста трудней убить,
Когда безвинные на плахе.
Но всё ж приходится рубить,
Живя в неведение и страхе,

Что так же могут и тебе
Укоротить немного тело.
И будешь в такт своей губе
Дрожать, как лист, остервенело.

У всех свой рок, своя стезя,
Но живо правило, похоже:
И в палачах ходить нельзя,
И жертвой быть совсем негоже.

БЕДА

Я пришла, отворяйте ворота.
Или, как там у вас, ворота.
Но не рады вы мне отчего-то
И ругаете с пеной у рта.

Прихожу не одна я к порогу —
Со своею родною сестрой.
Мы по жизни всегда ходим в ногу,
Обновляя версту за верстой.

Непонятны нам ваши волненья.
Не приносим мы много вреда.
Почему тут и там нетерпенье?
Нам не рады везде и всегда.

Может, позже полюбит нас кто-то
И почувствуем, что отлегло.
Открывайте пошире ворота,
Чтоб и счастье прийти к вам смогло.

ДЕРЕВНЯ

То ли ты мертва наполовину,
То ли ты без четверти жива?
Русская деревня, грабли в спину...
Вот уже и кончились слова.

Русская любимая деревня.
Где ж бывлые удаль и размах?
Где же твой уклад исконно древний —
И в сердцах, и в душах, и в умах?

Нелегко тебе, я понимаю.
Путь твой к возрождению тернист.
Слишком уж у многих хата с краю,
Слишком в дефиците гармонист.

Стала б ты сильнее и полезней.
Да у мужичков хмельной грешок.
Если станешь ты ещё и трезвой,
Это будет очень хорошо!

* * *

Судьба не стала выбирать
Простых дорог. Куда уж проще!
И потому я влип опять,
Как все иные куры — в ощип.

Но, не ропща, иду вперёд.
Мелькают дни, мелькают лица.
Немою рыбою об лёд
Порой приходится мне биться.

Вновь повторяю: будь собой,
И в снах твоих не будет чудищ.
Проверил собственной судьбой:
Сам не суди — судим не будешь.

Уставы спрячь до лучших дней.
В монастырях — свои! Запомни!
Тогда откроется полней
Вид на чужие колокольни.

КОСА И КАМЕНЬ

Сегодня камень сдуру сам нашёл на косу,
Ей не пришлось его искать на этот раз.
Он стал довеском неспроста к её вопросу:
— Ну, что же так всегда притягивает нас?

Ответа нет, но с кондачка решать не надо,
На кой там ляд или какого там рожна?
То он ей рад был, то она ему не рада.
В таких вопросах спешка точно не нужна.

Утихнут дрязги навсегда. А как иначе?
Но не остынет то, что теплится в крови.
И, друг о друга высекая искры ярче,
Вновь разведут огонь негаснущей любви.

Который будет полыхать, как яркий пламень,
Но от него не отвести ни чувств, ни глаз.
Опять в бессилье налетит коса на камень —
В который раз, в который раз, в который раз...

СОВЕСТЬ

Здравствуй, совесть!
Как живёшь? Расскажи.
Пишешь повесть
О забвенье и лжи?
Да, иными
Ты забыта давно.
Только имя
Кто-то слышал в кино.
Знают даже,
Что ты где-то да есть.
Не в продаже
Ум и совесть, и честь.
Ты прости нас,
Горемычных таких.
Накопилась
Грязь и в душах людских.
Выход ищут,
Всё попутно губя.
Столько пицци
Для забытой, тебя.
Будет случай,
Уж тебе ль не дано?
Их помучай.
И меня заодно.

ОСЕННИЙ ДВОР

Шёпот листьев под ногами всё тише.
Это ветер снова встрял в разговор.
Пишет что-то мелкий дождик на крыше
О погоде. А пустеющий двор

Грустно смотрит на меня и на осень.
Мне сегодня грусть его так близка.
Друг у друга молча взглядами спросим:
— Ну, откуда и печаль, и тоска?

Видно, осень в грусти той виновата.
Виновата и в печали с тоской.
Разве можно от зари до заката
Солнце прятать в облаках день-деньской?

Шёпот листьев под ногами не слышен.
Спящий ветер видит пятые сны.
Дождь оставил свои слёзы на крыше,
Распрощался и пропал до весны.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

За первый снег не беспокойся даже.
Наступит день. Наступит, как всегда,
И снег, кружась, гонимый ветром, ляжет,
Чтоб через час растаять без следа.

Но все поймут, что снеговые тучи
Держать в себе устанут белый рой.
И прилетит к земле с небесной кручи
Путём привычным новый снег — второй.

Потом друг друга сменят снегопады.
Придут метели, вьюги и ветра.
Забыть заставят то, чему так рада
Была когда-то наша детвора.

Печальный дворник с длинными усами
И бородой, как добрый Дед Мороз,
Не с посошком — с лопатою — часами
Начнёт кружить, ворча себе под нос.

В ночи безмолвной тихо-тихо ляжет
На жёсткой лавке добрый человек.
Увидит сны, но не узнает даже
Когда пройдёт его последний снег.

НАДО БЫ...

Вдруг осознав масштабы бедствия,
Поняв: сожжён последний мост,
Зима — породистая бестия —
Уже поджала белый хвост.

Карнизы скалятся сосульками,
С клыков закапала слюна.
Ручьи, сбегая переулками,
Напоминают нам: весна...

И, над зимой победу празднуя,
Врываясь резко, как сквозняк,
Весна, счастливая и грязная,
Бежит — дворняга из дворняг.

И солнце жарит просто адово.
Асфальт наружу — тут и там.
И поорать, наверно, надо бы
На зависть мартовским котам.

ДОЛГОЖДАННОЕ ЛЕТО

Ушло в никуда долгожданное лето.
Слезает загар, словно кожа змеи.
Значительно позже дыханье рассвета
Наполнит восток и пределы мои.

Спускаются снова в чуть тёплую реку
Озябшее солнце и с ним облака.
Но так хорошо и легко человеку
От мысли, что осень за дверью пока.

Но слышится звук, различимый едва ли
В дождях многодневных, настырных ветрах.
И дымкой седую подёрнутся дали,
И зелень сгорит в ярко-рыжих кострах.

А осень с зимой потеряются где-то.
Весна убежит, и за нею — вода...
И снова придёт долгожданное лето,
Чтоб с нами остаться почти навсегда.

ЗАРОЖДЕНИЕ

Что такое сто лет? Это — тлен, это — прах.
Для одних — только век, для других — целый миг;
Роковой поцелуй на холодных губах,
Тех, к которым ты вновь на прощанье приник,

Позабыв обо всём навсегда-навсегда,
Опасаясь того, что там ждёт впереди...
Вдруг проходит любовь, вдруг проходят года.
Темнота впереди, пустота позади.

Кроме роз, кроме грёз и немеющих рук,
Что готовы тебя через вечность нести.
В ожиданье потерь, в ожиданье разлук.
В ожидании слов: «Ты пойми! Ты прости!»

Растворяется боль, растворяется страх
В сожалениях тех, кто не может без них.
И конечно же тлен превращается в прах.
Зарождается жизнь, зарождается стих.

СЧАСТЬЕ

Где бродило, ну-ка расскажи,
Дорогое, призрачное счастье?
Над какою пропастью во ржи
Раскрывало ты свои объятья?

За какой деревней мёрзлый клён
Был согрет заботливым поэтом?..
Я тобою, счастье, окрылён.
Без тебя так плохо в мире этом.

И какие б ясные умы
Ни искали торную дорогу —
Без тебя не пишется, увы.
А вернее даже — слава Богу!

СОДЕРЖАНИЕ

Обретение голоса	3
Небесные реки.....	5
Миры.....	6
Планета.....	7
Ночь	8
Созвездие собак.....	9
Колыбель для зари.....	10
Справедливость.....	11
Надежда.....	12
За судьбой	13
Синица	14
Россия	15
Лето	16
Кулак.....	17
Арцах и Карабах.....	18
«Миг-29»	19
Космодром «Восточный»	20
Снайпер	21
Тыл.....	22
В доте	23
«Энола гей»	24
Ключи от вечности	26
Душа	27
Пасха.....	28
Воскресение	29
Месяц.....	30
Звезда.....	31
Спасибо, Господи!.....	32
Ангел.....	33
Двое	34
Взгляд	35

Под окном.....	36
Троянский танк.....	37
Отблеск.....	38
Свидания.....	39
Про любовь.....	40
Гарантия.....	41
Под куполом.....	42
Сердечный огонь.....	43
Любовь.....	44
Стрельцы и Весы.....	45
Зачем?.....	46
День вчерашний.....	47
Под замком.....	48
Прости.....	49
После шторма.....	50
Глаза.....	51
Было... ..	52
Городок.....	53
Провинция.....	54
Таблица умножения.....	55
Двор.....	56
Сестре.....	57
Друг.....	58
Письмо сына Деду Морозу.....	59
1 Сентября.....	60
Сосед.....	61
Отъезжающему.....	62
Семя.....	63
«Мальчишка, золотая голова...».....	64
Гость.....	65
Муки.....	66
Возвращение.....	67
Свеча.....	68
Пегас.....	69
Эйфория.....	70

Татьяна	71
Отрешение.....	72
Пути.....	73
Мотыльки	74
Дон Кихот	75
Патологоанатом	76
Палач	77
Беда	78
Деревня.....	79
«Судьба не стала выбирать...».....	80
Коса и камень	81
Совесьть.....	82
Осенний двор	83
Последний снег	84
Надо бы	85
Долгожданное лето	86
Зарождение.....	87
Счастье	88

Илья Олегович Портнягин

НЕЗАТИХШЕЕ ЭХО

Стихи

Редактор — *О.А. Портнягин*

Корректор — *А.А. Сыромятников*

Компьютерная вёрстка — *А.В. Громов*

Издание подготовлено
творческим объединением

«Русское эхо»

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон: (846) 333-48-01; www.litsamara.com
e-mail: litsamara@yandex.ru

Подписано в печать 21.07.2021. Формат 84х108/32. Усл. п.л. 4,02.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии АМИРИТ,
г. Саратов, ул. Чернышевского, 88У, тел.: +7-8452-24-85-33.